

Алекс Хилл

Танцуй
со мной
в темноте

**LIKE
BOOK**

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х45

Художественное оформление *Янины Клыга*

В дизайне внутреннего блока
использованы элементы оформления:
© Avector / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Иллюстрации на вкладышах
и во внутреннем оформлении *Киры Мори*

Хилл, Алекс.

Х45 Танцуй со мной в темноте / Алекс Хилл. — Москва :
Эксмо, 2026. — 448 с.

ISBN 978-5-04-234662-0

Недаром говорят: «Бойтесь своих желаний, они имеют свойство сбываться».

Последнее желание Ани Никитиной вернуло в ее жизнь одного обаятельного «черта», который ей так важен и дорог, но легче от этого не стало. И никогда не будет. По крайней мере, не с таким, как он.

Никита Клименко снова в городе, преследуя только одному ему понятные цели. Игры по его правилам продолжают. Новая встреча, новые проблемы, новый раунд, а чувства все те же. Пугающие, пленительные, не поддающиеся контролю и отвергающие здравый смысл.

Действительно ли так важно, чтобы наши желания сбывались так, как мы того хотим? Или достаточно иметь человека, который вопреки всему будет стоять с тобой рядом и любоваться на падающие звезды, каждый раз загадывая лишь тебя?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-234662-0

© Хилл А., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Посвящается... мне.
Справилась на морально-волевых.
Так держать.*

Плейлист:

Hate Me If You Must — Azizi Gibson

По камушку — Settlers

Сначала — Green Heart

Слишком быстро — Дворецкая

Ничего не изменится (Slowed) — Кирилл Мойтон

Завяжи мне глаза — rozalina

Космос — Скриптонит

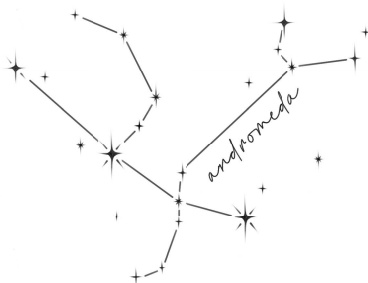
Рушу — Elvira T

Без тебя невозможно — Nebozhitel

К тебе — Z1Y1X1

Танцуй со мной в темноте Old version — SMOGWIN

Глава 1

POV Аня

«Все, что ты не меняешь, ты выбираешь». Так мне сказал один знакомый черт, который сначала прикидывался другом, затем парнем, а в итоге бросил и сбежал туда, где теплее. Хотелось бы пошутить про ад, но, вероятно, Никита просто вернулся на юг. На прощание он оставил мне внушительную дыру в груди и кожаную куртку. Особая забота Никиты во всей красе — выпотрошить и прикрыть, чтобы не продуло. А еще мне перешел черный огонь, который в нашу последнюю встречу я ошибочно приняла за свой собственный. Наивная. Это пламя *его* принципов, *его* неслгибаемой воли, непоколебимости в решениях и уверенности в себе: всем этим Никита извращенно-любезно поделился со мной. Прошло уже больше двух месяцев с тех пор, как он уехал, оборвав все контакты, и я до сих пор не разобралась, что именно чувствую к нему. Чего

больше: влюбленной ненависти или же ненавистой любви? Но важнее всего другое — благодарность, она уж точно искренняя и чистая. Как бы там ни было, Никита многому меня научил: заставил открыть глаза и смело взглянуть в лицо страху, помог найти опору, чтобы снова встать на ноги, показал и доказал, что я могу быть той, кем сама решу. Не задаром, разумеется, — сделки с представителями преисподней всегда чего-то стоят. Я заплатила сполна, отдав на растерзание собственное сердце. Жалею ли? Ничуть. Черный огонь греет меня до сих пор и без присутствия хозяина. Он со мной и уже действительно *мой*. Я постепенно учусь управлять этой силой, намереваясь изменить все то, что больше мне не подходит.

— Аня, еще долго? — ворчливо спрашивает мама.

Туго завязываю очередной мусорный мешок и осматриваю крошечную спальню, что хранит воспоминания о детстве и школьных годах. Меня тошнит от этой комнаты, от этой квартиры и города. После окончания второго семестра было всего два варианта: вернуться к родителям на летние каникулы и потратить время впустую или найти работу с жильем, чтобы без крайней необходимости не появляться в родном клоповнике. Я остановилась на втором.

— Нет, — сухо отвечаю я матери и встаю, отряхивая пыльные ладони. — Почти закончила.

— Давай скорее, мы так на автобус опоздаем, — недовольно цедит она и оставляет меня одну посредихлама, который когда-то был моей жизнью.

Еще раз критически оглядываю спальню: узкая кровать, застеленная фиолетовым покрывалом с прожженным следом от плойки, письменный стол, обклеенный стикерами с персонажами мультфильмов, книжный стеллаж, где сиротливо лежат лишь несколько томов русской классики. Большую часть книг из моей коллекции пришлось продать, чтобы организовать подобие фи-

нансовой подушки, но это ничего, как только встану на ноги, начну собирать заново. Уверившись, что ничего не забыла, хватаю пару набитых до отказа сумок и выхожу в коридор. Отец рассеянно топчется у входной двери, мать суетливо поглядывает на часы.

— Вам необязательно ехать со мной, — в который раз повторяю я.

— Конечно обязательно, — раздраженно отмахивается мать. — Думаешь, сняла квартиру и сразу взрослая стала? А вдруг это мошенники какие-то?

— Это не мошенники.

— Да что ты? Я должна поверить тебе на слово?

— Я же сама буду платить за эту квартиру.

— А кредит на учебу тоже будешь сама платить?! Одевать себя, обувать? — выплевывает она, лишая меня возможности продолжить спор.

— Мы идем или нет? — отчужденно вздыхает отец.

— Идем! — грохочет мать.

Она распахивает дверь и переступает порог, отец выходит следом. Тащусь за ними, натужно пыхтя и сжимая ручки тяжелых сумок. Родительская поддержка и помощь, конечно, бесценны.

Два с половиной часа пути в душном автобусе по автотрассе мимо зеленых полей, и вот мы уже в другом городе. Двадцать минут в такси от вокзала до тихого двора многоэтажных кирпичных домов. Недолгая поездка в тесном лифте на шестой этаж, звонок в дверь. На пороге квартиры появляется улыбчивый светловолосый парень и приветливо выдает:

— Здравствуйте! Прошу, проходите, осматривайтесь.

Он отступает, пропуская нас внутрь. Родители расхаживают по небольшой студии, задают арендодателю вопросы, на которые тот бойко и четко отвечает. Квартира принадлежит его родственнику, который давно переехал в столицу, здесь нет насекомых и другой живности, приятные соседи, рабочая техника, приличная

мебель. Мать остается довольна допросом и молча наблюдает, как я подписываю договор аренды и отдаю деньги за первый и последний месяцы проживания.

— Если ко мне больше нет вопросов, то я пойду, — щебечет арендодатель и передает мне комплект ключей. — Добро пожаловать домой, Аня. Будут какие-то проблемы, не стесняйся обращаться ко мне.

— Спасибо, Василий. Обязательно, — отвечаю я, не без труда сдерживая ироничную ухмылку из-за нашего небольшого представления.

Я решила не посвящать родителей в некоторые детали своих жизненных перемен. Например, умолчала о том, что эта квартира принадлежит отнюдь не незнакомцу, а приятелю моего хорошего друга. Вряд ли мать оценила бы общение с парнем на десять лет старше и точно не поверила бы в его безобидность, а так мы все получаем то, чего хотим. Родители — подтверждение безусловности их контроля надо мной, а я — послабление повода, чтобы чуть позже, когда буду готова, сорваться с него насовсем.

— Анастасия Григорьевна, Валерий Михайлович, — почтительно кивает на прощание Вася и удаляется, оставившись у двери на мгновение, чтобы хитренько подмигнуть мне.

Прячу довольную улыбку, опустив голову. Мать постукивает пальцами по столешнице и критично резюмирует:

— Недурно. Да, Валер? Первая квартира, где жили мы, была, кажется, вдвое меньше.

— Угу, — безразлично отзывается отец.

— Даже странно, что арендная плата такая низкая, — похоже, хозяин не слишком нуждается в деньгах. Везет же людям! Некоторые всю жизнь горбятятся на долги и аренду, а другие купаются в беззаботной роскоши.

Ни я, ни отец никак не реагируем на завистливые рассуждения матери. Мы слышали их столько раз — не

сосчитать. Она обожает такие разговоры, особенно под вино: всем вокруг хорошо, и только на ее долю выпало немыслимое количество испытаний. Непослушный ребенок и непутевый муж в том числе. И это она еще не знает, что аренда для меня ограничивается оплатой коммунальных платежей и поддержанием чистоты, а взнос за проживание Вася вернет при первой встрече.

— Ну что, Аня, поздравляю. — В голосе матери ни капли радости, лишь сухой треск нервов. — Только это не значит, что ты теперь можешь делать все что вздумается. Мы согласились, чтобы ты могла устроиться на работу и снять с нас часть трат на тебя, а не вернуться к гулянкам. Если я узнаю...

— Не узнаешь, — обрываю я пренебрежительно и тут же исправляюсь: — Нечего будет узнавать. Я собираюсь усердно работать, сдать оставшиеся экзамены и прилежно готовиться к новому семестру. Это все.

Она прищуривается, осыпая меня колючками недоверия, но они сгорают, так и не коснувшись кожи. Эти люди, что сидят сейчас со мной за одним столом, подарили мне жизнь, воспитали, как могли, и вырастили, но я сама не знаю, как отношусь к ним. Часть меня, маленькая и хрупкая, все еще видит авторитетных взрослых, ждет тепла, заботы и защиты, нуждается в одобрении. Но другая, собранная из болезненного опыта, злобы и разочарований, наблюдает перед собой лишь мутные помехи, лишённые ценности, но не выгоды. Я до сих пор изображаю примерную дочь только по одной причине — мне нужно время, чтобы как следует подготовиться к самостоятельной жизни: набраться опыта и заработать денег.

— Надеюсь, что так, — холодно произносит мать. — Хоть раз хотелось бы рассказать о тебе с гордостью. Официантка в детском кафе, конечно, не самая престижная должность, но лучше, чем ничего.

Слова хлестче пощечины. Продолжаю смотреть в глаза матери, которые никогда не видели меня полностью,

лишь мельком, и сдержанно киваю, подтверждая еще одну ложь. Нет никакого детского кафе, а работать я собираюсь совсем не официанткой, хотя по специфике довольно близко.

— Нам пора. Обратный автобус через полчаса, — объявляет отец, которому, очевидно, плевать на происходящее. Он, как глухой и слепой пес, не лает, не охраняет, просто существует в каком-то своем мире, дожидаясь очередной кормежки.

— Я провожу! — С энтузиазмом вскакиваю на ноги, и как только закрываю за родителями дверь, с облегчением выдыхаю.

Наконец-то я одна. И я дома.

Разворачиваюсь, делаю несколько неспешных шагов к центру комнаты. Яркое летнее солнце бьет в окна, заливая все вокруг золотистым свечением. Взгляд медленно скользит по предметам интерьера: большой шкаф, комод, двуспальная кровать, узкий стол в зоне кухни, кофемашина, пепельница на подоконнике. Кожа покрывается мурашками, в груди ощутимо жжет. Надо бы разложить вещи, навести немного уюта, и станет полегче. Теперь это моя квартира, никакой нечисти, только я и драгоценные воспоминания, приносящие одновременно и радость, и печаль.

Через несколько часов, когда сумки пустеют, а мышцы спины ноют, сталкиваюсь с последней дилеммой. Сжимаю мягкую кожу куртки, подношу воротник к носу и глубоко вдыхаю, прикрыв глаза. Аромат сигаретного дыма, парфюма и летнего дождя отправляет в эмоциональный нокаут мгновенно, а соблазн повесить куртку Никиты на крючок у двери слишком велик. Восхитительная иллюзия, будто он где-то неподалеку, ушел решать свои демонические дела и совсем скоро вернется. Ко мне. К нам. Надеваю куртку, подхожу к открытому окну и нащупываю в кармане пачку сигарет и зажигалку. Достая их, закурываю, глядя вдаль. Интересно, о чем думал Никита, сидя здесь ночами? Раз-

рабатывал свои хитрые планы, просчитывал манипулятивные ходы? А может, мечтал? Он вообще на это способен? Есть ли у него желания? Что там может быть, помимо безграничного запаса коньяка и освобождения от уголовной ответственности? Где он живет теперь? Чем занят? Вспоминает ли обо мне? В горле першит от дыма, но я делаю еще одну затяжку, а затем снова и снова до тех пор, пока табак не сгорит до фильтра. Тушу окурок в пепельнице, убираю пачку сигарет, где осталась всего пара штук, и зажигалку обратно в карман. Снимаю куртку и запираю ее в шкафу вместе с десятками вопросов, что адресованы тому, кто ушел из моей жизни, но прочно закрепился в мыслях.

Вибрирует телефон, брошенный на столе. Иду к нему, имя на экране вызывает взволнованную улыбку.

— Слушаю, товарищ начальник! — отвечаю я на звонок.

— Очень смешно, — бурчит Максим. — Ты там еще не передумала?

— Никак нет! Готова к труду и обороне!

— Всем бы твой энтузиазм.

— Могу поделиться.

— Вряд ли мне это поможет, — напряженно вздыхает он. — Официальное открытие через неделю, но уже послезавтра начинаем работать в техническом режиме. Хочешь первую смену?

— Спрашиваешь еще, — радостно отвечаю я.

— Дневную или ночную?

* * *

Теплый июльский вечер окутывает сквер сладкими ароматами цветов. Мы с Васей сидим на скамейке рядом с огромной яркой клумбой, болтаем и едим мороженое. За последний месяц из-за работы времени на дружеские встречи у меня почти не было, вдобавок Вася на две